

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1757](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757)

Д. Б. Ефимов

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УНИВЕРСИТЕТСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Ефимов Д. Б. Студенческое представительство в университетском управлении: факторы вовлеченности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 140—167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>.

For citation:

Efimov D. B. (2022) Student Representation in University Governance: Factors of Involvement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 140–167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>. (In Russ.)

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УНИВЕРСИТЕТСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

ЕФИМОВ Дмитрий Борисович — ведущий аналитик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: defimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8942-500X>

Аннотация. Статья посвящена малоисследованному в России, но важному в мировом контексте аспекту университетского менеджмента — студенческому представительству. Опираясь на результаты предшествующих исследований и данные о выборах органов студенческого представительства в НИУ ВШЭ в 2019 г., автор выделяет несколько групп факторов вовлеченности в студенческое представительство. Во-первых, это универсальные детерминанты, связанные с любым типом участия (уровень обучения, материальное положение, академическая и социальная успешность, число однокурсников-единомышленников). Во-вторых, факторы более активного (мужской пол, бюджетное место, неинороднее происхождение, взаимодействие с научно-педагогическими работниками университета, восприятие конкуренции как вызова) и менее активного участия (женский пол, платное место, инороднее происхождение, диверсифицированное информационное потребление, неприятие большого объема конкуренции). В статье представлены рекомендации по обустройству эффективного студенческого представительства и стимулированию студентов к участию в нем (сглаживание внутренних неравенств и формирование менее разделенного как в социаль-

STUDENT REPRESENTATION IN UNIVERSITY GOVERNANCE: FACTORS OF INVOLVEMENT

Dmitry B. EFIMOV¹ — Leading Analyst
E-MAIL: defimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8942-500X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on student representation as an aspect of university management underinvestigated in Russia but important in the world context. Based on previous studies on students representation and analyzing a dataset on elections of student representation bodies in the Higher School of Economics (Moscow) in 2019, the author highlights three groups of factors that determine participation intensity. The general factors include education level, financial, academic, and social success, and the number of groupmates-candidates. Next, most active representation participants are also characterized by male gender, state education financing, metropolitan origin, interaction with university faculty members, and positive perception of competition in elections. At last, less active participants are characterized by female gender, commercial financing of education, regional origin, diversified information consumption, and negative perception of high competition in elections. Based on the study results, the author provides recommendations for the university educational policy — to reduce internal inequalities and cleavages in both social and informational aspects.

ном, так и в информационном плане сообщества).

Ключевые слова: студенческое представительство, студенческие советы, студенческая вовлеченность, университетское управление

Keywords: student representation, student councils, student engagement, university governance

Благодарность. Автор выражает признательность Дирекции основных образовательных программ, Центру внутреннего мониторинга, Избирательной комиссии студенческого самоуправления Высшей школы экономики за возможность работы с данными, которые легли в основу исследования.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the Degree Programmes Department, the Center for Institutional Research, and the Election Commission of the Student Government of the HSE University for the opportunity to work with the data which formed the basis of the study.

Введение

Одна из ключевых дискуссий в рамках обсуждения разных моделей университетов заключается в том, как в университетском управлении распределяются роли непосредственной администрации университета, а также ее внешних (попечительские и наблюдательные советы, внешние советы управляющих, государство) и внутренних (сотрудники и студенты) стейкхолдеров [Rowlands, 2017; Розовски, 2019]. Если роль и мотивации внешних стейкхолдеров и преподавателей рассмотрены довольно подробно, то студенческой части стейкхолдеров уделялось довольно мало внимания.

Вместе с тем студенческое представительство в структуре университетского управления может принимать разнообразие формы. Среди них можно назвать клиентоориентированные системы сбора обратной связи о качестве преподавания и университетских сервисов, влияние динамики спроса абитуриентов на образовательные программы и многие другие. Однако все эти формы имеют мало общего непосредственно с *управлением*, предоставляя для него только некоторую информацию. Реальная вовлеченность в университетское управление для любого стейкхолдера, в том числе и студентов, возможна только в том случае, если его интересы будут представлены в тех или иных управленческих структурах университета, специально созданных для представительства данного стейкхолдера [Klemencic, 2020]. Конвенциональным и наиболее распространенным способом участия членов сообщества в управлении служат выборы. Участие студентов в выборах в те органы, через которые они могут реально влиять на университетское управление, представляет центральную тему студенческого участия в управлении в целом. Вытекающим из этой темы ключевым вопросом является вопрос о потенциальных факторах, обуславливающих это участие и заинтересованность в нем. В рамках данной статьи мы попытаемся найти на него ответ.

Студенческое участие в университетских выборах: обзор исследований и возможных факторов вовлеченности

Литература, посвященная студенческому представительству в университетском управлении¹, может быть разделена на три большие категории. Одна из них касается участия студентов в выборах различных университетских органов лишь в качестве избирателей, отдающих свой голос на выборах. Вторая относится к участию студентов не только в выборах, но и в дальнейшей деятельности студенческого представительства. Наконец, третья представляет собой изучение участия в выборах и в дальнейшей деятельности органов студенческого представительства в контексте политической социализации индивида (подробнее см. [Ефимов, 2020]).

В рамках первой категории работ выделим группу исследований, сосредоточенных на избирательной явке (факте участия) и отдельно — на факторах голосования за конкретных кандидатов (как участие реализовалось). В первом случае доминируют выводы о роли рационально-инструментальных и внешних факторов: значимость индивидуального голоса, количества и характеристик избирателей — элитарности набора, академической успешности, формы обучения [Lewis, Rice, 2005; Kouba, 2018]. Во втором случае наиболее частое подтверждение находят гипотезы о социологических (близость «социального статуса» в рамках университета) и социально-психологических (близость самоидентификаций и лозунгов) факторах [Omar, Othman, 2014; Omar, Othman, 2015]. Все больше внимания уделяется изучению факторов взаимодействия в онлайн-пространстве, то есть роли социальных сетей, новых интернет-СМИ и т. д. [Tilton, 2008; Mishra, 2016]. При этом исследования явки на студенческие выборы чаще основаны только на агрегированных данных (сравнение процентов явки на разных выборах), а не на индивидуальных. В изучении же факторов голосования за определенных кандидатов с эмпирической точки зрения чаще рассматривают высказанное постфактум мнение студента, а не сам факт голосования.

Вторая категория работ — осмысление активного участия в рамках студенческого представительства в университетском управлении — фокусируется на следующих аспектах: неравенство в представленности различных групп и обусловленность ролями и моделями, в рамках которых интерпретируется студенческое представительство. Так, многие исследования отмечают выраженное гендерное неравенство в рамках студенческого представительства (более значительная активность мужчин), реже упоминаются в качестве оснований неравенства материально-экономический статус, возраст, внешнее (иностранное) происхождение, сексуальная ориентация и т. д. [Klemencic, 2014; Brooks et al., 2015a]. Важный вопрос также заключается в значительной обусловленности участия в студенческом представительстве существующими в сообществе сетями взаимодействия, личными и дружескими связями [Brooks et al., 2015a]. Что же касается моделей организации студенческого представительства, то здесь ключевой момент обсуждения касается феноменов «профессионализации» и «угасания» низовой

¹ В данной статье мы сознательно используем термин «студенческое представительство», конвенциональный для мировой исследовательской повестки, имея при этом в виду, что в России на данный момент более распространен смежный термин «студенческое самоуправление», который в большинстве случаев рассматривается не в контексте участия вовлечения студентов в университетское управление, а как один из элементов воспитательной работы университета со студентами (подробнее см. [Ефимов, 2020] и в сноске 3).

активности, с которыми столкнулись органы представительства, и сопутствующему этим феноменам перераспределению активности от кратковременных «народных трибунов» к более долговременным «профессиональным активистам». Такие активисты, как правило, берут академический отпуск на время осуществления полномочий членов органов студенческого представительства (*sabbatical teams*) [Klemencic, 2020; Brooks et al., 2015b; Raaper, 2020]. Впрочем, специфика институционального развития органов студенческого представительства (и, как следствие, статуса их участников) везде неодинакова, поэтому обобщать практики можно только очень осторожно.

Наконец, третья категория — осмысление взаимосвязи участия в студенческом представительстве в контексте социализации — также охватывает два направления. Первое характерно для западных стран. Оно рассматривает представительство с точки зрения взаимосвязи с развитием ценностей гражданственности и ответственности, заинтересованности и информированности, участия в общественных организациях и инициативах [Fendrich, Lovoy, 1988; Saha, Print, 2010; Nomana, 2018]. Второе, чаще встречающееся в развивающихся странах Азии и Африки, — с точки зрения взаимосвязи с действующими в этих странах политическими партиями, религиозными и националистическими организациями (слово «Талибан»², в конце концов, означает «студенты») [Harik, Meho, 1996; Luescher-Mamashela, Mugume, 2014]. Объединяет эти категории выстраивание связи участия в студенческом университетском представительстве с социально-политическими ценностями, позициями и взглядами, с информированностью об обществе и активностью в нем³. Надо отметить, что географические особенности сочетания и разграничения двух подходов не всегда однозначны: политические партии играют значительную роль в студенческом представительстве многих немецких университетов, а в развивающихся странах эффект связи с политическими организациями проявляется не всегда.

Исследования студенческого представительства в российских университетах в отечественных работах представлены довольно мало. Большая часть публикаций посвящена педагогическим рамкам студенческого самоуправления как воспитательной работы университета или реализации государственной молодежной политики (например, [Пономарев, 2008; Гаврилова и др., 2019]), а реальному представительству студентов в управлении университетом посвящено не очень большое число эмпирических исследований ([Попов, 2009; Chirikov, Gruzdev, 2014; Стегний, 2016; Фатов и др., 2018]). Лакуну во многом только предстоит заполнять.

На основе представленного выше обзора можно выделить следующие группы возможных связей участия студентов в студенческом представительстве с их личными характеристиками и внешними факторами (см. табл. 1).

² Движение «Талибан» запрещено на территории России как террористическая организация.

³ Распространенное в исследованиях российского высшего образования рассмотрение «студенческого самоуправления» как элемента воспитательной работы университета и фактически части его образовательной программы (в контексте развития коммуникативных навыков и др.) частично схоже с этими категориями, но принципиально отличается как в том, что чаще всего рассматривает профессиональную, «социально-экономическую» (как будущего работника), а не социально-политическую социализацию, а также фокусируется только на эффектах для активно участвующих студентов, не рассматривая более широкий контекст влияния на среду и на тех студентов, кто принимает в этой деятельности лишь пассивное участие.

Таблица 1. **Исследуемые группы связей**

Номер группы	Суть предполагаемых связей
1	Изначальное неравенство в студенческой среде: пол (с преобладанием мужского участия), возраст (с преобладанием участия более молодых студентов, чаще бакалавриата), материальное положение (со скошенным в сторону более богатой части сообщества распределением участия), характеристики происхождения и интеграции (с трудностями в активном участии у внешних и менее ассоциированных)
2	Цена индивидуального голоса и участия в конкретных выборах (обратно пропорциональная количеству избирателей и прямо пропорциональная числу кандидатов): чем она больше, тем более вероятно участие
3	Сетевые эффекты во взаимодействии студентов определенного сообщества между собой: бóльшая активность окружающих в контексте участия в студенческом представительстве будет способствовать большей вероятности того, что сам студент проявит активность
4	Академическая успешность и мотивированность: более мотивированные и успешные студенты с большей вероятностью станут вовлекаться в представительство интересов
5	Спектр социальных связей, информированности и социальной активности (чем больше информированности, заинтересованности и участия в происходящих социально-политических процессах, тем вероятнее участие в студенческом представительстве в университете)
6	Структура информационного потребления студента и наличие в ее составе университетских источников и каналов информации, включенность в информационные каналы университетского сообщества

Для части предполагаемых факторов связи могут быть не только непосредственными, но и условными: некоторые ключевые элементы из 1 (пол, иногородний статус) и 4 (обучение на бюджетной или коммерческой основе) групп в сочетании с другими могут усиливать или ослаблять их эффекты, поскольку изначально определяют разные стартовые условия для реализации стратегий студенческой жизни. В частности, восприятие цены индивидуального голоса (2 группа факторов) и в целом рационально-экономическая логика принятия решения об участии, зависящая от соотношения издержек и выгод, может видоизменяться под влиянием всех трех факторов (для мужчин, москвичей и бюджетников как групп с более привилегированным положением эффект должен быть выражен меньше). Сетевые эффекты (3 группа) тоже могут быть связаны с (не)иногородним статусом — и быть больше выражены среди тех, кто лучше интегрирован в сообщество, где сами сетевые связи сильнее. Наконец, эффект академической успешности (4 группа) также может по-разному проявляться с учетом и пола, и (не)иногороднего статуса: у мужчин и москвичей как групп с более привилегированным положением эффект может быть выражен в большей степени (их академическая успеваемость в несколько меньшей степени может быть обусловлена внешними стимулами и в большей — внутренними). Если эти предположения подтвердятся, это будет означать еще большее влияние неравенства — физического, материального или образовательного — на вовлеченность в деятельность студенческого представительства.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Изучение выделенных групп возможных связей произведено на данных о выборах органов студенческого представительства в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» — одном из крупнейших российских вузов (изначально — социально-экономическом, сейчас — классического широкого профиля) с контингентом более 30 тыс. студентов в основном кампусе. Система студенческого представительства в его управлении включает в себя (с 2015 г.) избираемые один раз в год в ноябре-декабре студенческие советы факультетов и общежитий, а также представителей трех филиалов, расположенных в регионах. Представители всех названных советов участвуют в выработке и принятии университетских решений (в сферах принятия локальных нормативных актов, академического, административного и хозяйственного управления, дисциплинарного производства) на уровне своего подразделения, а также делегируют представителей в студенческий совет университета, который взаимодействует в рамках аналогичных процессов уже с университетской администрацией.

В настоящей статье используются данные о выборах студенческих советов факультетов, прошедших в декабре 2019 г. Механизм выборов включал в себя следующие этапы: с 20 ноября по 11 декабря студенты могли подать свои кандидатуры, в тот же период в реальном времени кандидатуры публиковались на специальных площадках в социальной сети «ВКонтакте» с возможностью обсуждения. С 19 декабря по 26 декабря проходило голосование — каждый студент имел возможность принять участие в голосовании, используя личный кабинет в электронной системе поддержки обучения (LMS). Сами выборы представляли собой свободное распределение имеющегося у избирателя числа голосов (равного числу мест в соответствующем совете) в пользу тех кандидатов, которых он хочет поддержать, и предусматривали таким образом кумулятивную систему голосования. Итоговые результаты голосования были опубликованы 29 декабря на площадках в социальных сетях и интернет-сайте образовательной организации. В рамках статьи далее используются детализированные данные о перечне кандидатов на выборах и о факте участия или неучастия каждого студента в голосовании. Использование этих данных не нарушает тайну голосования, поскольку они не включают в себя никаких характеристик того, как именно (за каких кандидатов и проч.) проголосовал избиратель на выборах, только сам факт участия в них.

Имеющаяся информация о факте участия или неучастия каждого конкретного студента в подаче своей кандидатуры и голосовании также соотносится с имеющейся информацией об этом студенте из университетских административных систем управления учебным процессом ACAB и LMS. Эта информация включает в себя такие признаки, как факультет, образовательная программа и ее статус (с государственными бюджетными местами или исключительно коммерческая), год обучения, форма обучения, статус места обучения (бюджет или коммерция), а также сравнительные характеристики успеваемости студента — долговременной (так называемый кумулятивный рейтинг, включающий в себя информацию обо всем периоде обучения) и текущей (так называемый текущий рейтинг, включающий в себя информацию о последнем семестре), измеряемые в обратной шкале от 0 до 100 (чем значение меньше, тем лучше).

Кроме информации непосредственно о выборах и общей информации о студентах и их успеваемости, в рамках исследования также активно используются данные ежегодного университетского онлайн-опроса «Мониторинг студенческой жизни» (МСЖ), проходившего с ноября 2019 г. по начало января 2020 г. Этот опрос имеет давнюю (более 10 лет) историю и включает в себя множество вопросов о самочувствии студента в университете, восприятии им университетской реальности, оценке ключевых условий и сервисов, образовательных и трудовых установках, планах и т. д. В рамках этого опроса каждый студент получал собственную индивидуальную ссылку на его прохождение на корпоративную или личную электронную почту (всего было разослано 30 966 ссылок). Участие в опросе приняли и прошли его до конца 5688 студентов, что составляет 18 % от общего числа. Также 3579 студентов (11,5 %) приступили к заполнению опроса, но не завершили его (и в рамках анализа эти данные не применяются). Опрос позиционируется и применяется как конфиденциальный, но не анонимный — персональные данные студента ни на каком этапе не раскрываются, но для эффективной аналитической работы к опросным данным присоединяются на индивидуальном уровне административные и иные данные из других источников, характеризующие студентов и позволяющие выйти за рамки вопросов, непосредственно заданных в анкете.

Выборка, полученная в ходе проведения МСЖ, в целом соответствует параметрам генеральной совокупности (данные из LMS и ACAB) и соотносится с ней следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2. Сравнение административной и опросной совокупностей данных

Характеристика	Генеральная совокупность (ACAB и LMS)	Опросная выборка (МСЖ)
Пол	40 % юношей, 60 % девушек	33 % юношей, 67 % девушек
Курс	25 % 1 к. б., 20 % 2 к. б., 16 % 3 к. б., 14 % 4 к. б., 14 % 1 к. м., 11 % 2 к. м., ок. 1 % — остальное	35 % 1 к. б., 17 % 2 к. б., 12 % 3 к. б., 10 % 4 к. б., 17 % 1 к. м., 9 % 2 к. м., ок. 1 % — остальное
Бюджетное/платное обучение	45 % бюджет, 55 % платное	51 % бюджет, 49 % платное
Иногородный статус	30 % иногородние, 70 % москвичи	34 % иногородние, 66 % москвичи
Кумулятивный рейтинг	Медиана — 50 %	Медиана — 40 %
Текущий рейтинг	Медиана — 50 %	Медиана — 38 %

Примечание: к. б. — курс бакалавриата/специалитета, к. м. — курс магистратуры, «остальное» — 5—6 курсы специалитета.

В целом в опросной выборке есть небольшая скошенность в пользу девушек, 1 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры, бюджетников, иногородних и академически успешных студентов. Это необходимо учитывать при дальнейшей интерпретации выводов исследования, основанных на использовании опросных данных.

Таким образом, исследование опирается на два ключевых массива информации: полные данные о приблизительно 30 тысячах студентов, предусматривающие информацию о факте голосования конкретного студента и о его характеристиках, а также более подробные данные о подвыборке внутри этой совокупности — примерно 5 тысячах студентов, включающие в себя, кроме всего вышеуказанного, также информацию об ответах данного студента в рамках «Мониторинга студенческой жизни» (МСЖ).

Перечень используемых переменных с указанием источника для каждой, а также описательные статистики по ним подробно представлены в приложениях 1—2. Переменные объединены в шесть разных категорий, соответствующих выделенным группам возможных связей.

Анализ факторов студенческого участия в университетском управлении

Верификация выдвинутых групп предположений о возможных связях осуществляется с применением классических бинарных логистических регрессионных моделей, описывающих вероятность того, что студент проголосует на выборах органа студенческого представительства, или того, что он примет в них участие как кандидат.

Во всех случаях единицей анализа является студент. Регрессионные модели только с участием данных по выборам, из ACAB и LMS, включают в себя 25—30 тысяч наблюдений. Регрессионные модели с участием данных из МСЖ включают в себя 4—5 тысяч наблюдений. Число наблюдений в разных моделях различается из-за того, что для некоторых студентов недоступна часть значений переменных (количество наблюдений и описательные статистики по каждой переменной приведены в приложении 2). Структура части используемых данных предполагает возможность применения не только классических, но и многоуровневых моделей, однако с точки зрения знаков, значимости и размера эффекта фиксируемые в них связи практически не отличаются от получаемых в классических моделях, поэтому они не приводятся здесь. Тем не менее в дальнейших исследованиях применение этих моделей также может быть полезным, в том случае, если переменные с многоуровневым характером являются одними из основополагающих и создают отличающиеся типы связей.

Рассмотрим вначале модели, построенные на генеральной совокупности студентов (без использования данных МСЖ, только с данными по выборам, ACAB и LMS). Они приведены в таблице 3.

Таблица 3. **Регрессионные модели на административных данных**

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
	(1)	(2)	(3)	(4)
Мужчина	-1,315**** (0,000)	-0,581 (0,138)	1,076**** (0,000)	1,271**** (0,000)
Иногородный	0,144** (0,033)	0,127* (0,081)	-2,220** (0,024)	-2,083* (0,051)
2 курс бакалавриата / специалитета	-0,603**** (0,000)	-0,555**** (0,000)	0,196 (0,245)	-0,00195 (0,992)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
3 курс бакалавриата / специалитета	-0,739**** (0,000)	-0,706**** (0,000)	0,269 (0,141)	0,184 (0,345)
4 курс бакалавриата / специалитета	-1,586**** (0,000)	-1,539**** (0,000)	-0,328 (0,211)	-0,612* (0,050)
5 курс специалитета	-1,610*** (0,008)	-1,499** (0,014)		
1 курс магистратуры	-1,943**** (0,000)	-1,973**** (0,000)	-1,558*** (0,001)	-1,577*** (0,003)
2 курс магистратуры	-2,458**** (0,000)	-2,377**** (0,000)	-2,181*** (0,003)	-1,877*** (0,010)
Очно-заочная ОП	-1,487*** (0,000)	-1,274*** (0,001)		
Коммерческая ОП	0,730*** (0,005)	0,457* (0,095)	-0,374 (0,318)	-0,530 (0,217)
Число избирателей	-0,0000951**** (0,000)	-0,000133**** (0,000)		
Число избирателей * мужской пол	0,0000929**** (0,001)	0,000110**** (0,000)		
Число избирателей * бюджетное обучение	0,0000579** (0,024)	0,000104**** (0,000)		
Число избирателей * коммерческая ОП	-0,000412**** (0,000)	-0,000327**** (0,000)		
Логарифм числа избирателей			0,212** (0,045)	0,301*** (0,007)
Логарифм числа избирателей * иностранцев			0,309** (0,015)	0,298** (0,030)
Удельное число канди- датов на 1 место	-0,945**** (0,000)	-0,310** (0,038)	0,912*** (0,001)	0,137 (0,724)
Удельное число кан- дидатов на 1 место * Мужской пол	0,822**** (0,000)	0,391* (0,066)		
Процент однокурс- ников-кандидатов	0,350**** (0,000)	0,359**** (0,000)	0,364**** (0,000)	0,391**** (0,000)
Процент однокурс- ников-кандидатов * Иностранцев	-0,0772*** (0,000)	-0,0902*** (0,000)		
Бюджетное обучение	-0,0583 (0,518)	-0,244** (0,015)	0,0317 (0,826)	0,0256 (0,869)
Кумулятивный рейтинг	-0,00871**** (0,000)	-0,00242** (0,031)	-0,00764*** (0,001)	-0,00618* (0,078)
Кумулятивный рейтинг * Иностранцев	0,00422*** (0,000)	0,00499**** (0,000)		
Кумулятивный рейтинг * Мужской пол	-0,00435**** (0,000)	-0,00508**** (0,000)		
Текущий рейтинг		-0,00758**** (0,000)		-0,00220 (0,516)
Статус кандидата	2,684**** (0,000)	2,907**** (0,000)		

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
Константа	1,301**** (0,000)	0,403 (0,189)	-8,821**** (0,000)	-8,196**** (0,000)
N	28951	24529	28501	24099
pseudo R ²	0,177	0,182	0,157	0,169

Примечание: р-значения в скобках. Различные группы выделены соответствующей цветовой заливкой.

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$, **** $p < 0,0001$.

Во-первых, можно сделать вывод о том, что положительно, устойчиво и статистически значимо с вероятностью участия студента в голосовании связаны иногородний статус, более младший курс обучения, обучение на очной, а также на коммерческой программе (1 группа), более высокое место в текущем рейтинге (4 группа) и статус кандидата на выборах (5 группа). Во-вторых, интересно, что также значимы условные эффекты общего числа избирателей, удельного числа кандидатов на 1 мандат (2 группа), процента однокурсников-кандидатов (3 группа) и кумулятивного рейтинга (4 группа) — что помогают понять введенные в модель эффекты взаимодействия). Так, отрицательный эффект общего числа избирателей (то есть обратное выражение «цены индивидуального голоса») усиливается на коммерческих программах, но ослабляется у мужчин и бюджетников. Аналогичное происходит и с отрицательным эффектом удельного числа кандидатов (конкурентности): для студентов-мужчин он сильно снижается. Положительный эффект процента однокурсников-кандидатов для иногородних студентов также несколько слабее, чем для москвичей. Условные факторы связаны и с эффектами кумулятивного рейтинга: если у студентов-мужчин положительная связь долговременной успеваемости с потенциальным участием в студенческом представительстве становится все более выраженной, то у иногородних студентов, напротив, часть эффекта теряется. Надо также отметить, что эффекты мужского пола и бюджетного места сами по себе неустойчивы (теряют значимость и меняют знаки в зависимости от спецификаций моделей).

В отношении участия в студенческом представительстве в качестве кандидатов и будущих участников соответствующих органов ситуация несколько иная: положительно, устойчиво и статистически значимо с вероятностью этого будут связаны мужской пол (1 группа), число избирателей в логарифмической шкале (2 группа), процент однокурсников-кандидатов (3 группа), более высокое место в кумулятивном рейтинге (4 группа), отрицательно — иногородний статус и обучение в магистратуре (1 группа). Положительный эффект числа избирателей еще более усиливается для иногородних студентов. А отрицательный эффект 4 курса бакалавриата (1 группа) и положительный — удельного числа кандидатов на 1 место (2 группа) неустойчивы (значимы только в одной модели), следовательно, говорить об этих эффектах можно с меньшей уверенностью.

Рассмотрим далее расширенные с точки зрения количества предикторов модели, построенные на опросной выборке студентов (с использованием данных МСЖ). Они приведены в таблице 4.

Таблица 4. Регрессионные модели с использованием опросных данных

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Мужчина	-1,163* (0,097)	-1,146 (0,182)	1,327**** (0,000)
Иногородний	0,00518 (0,969)	-0,00639 (0,964)	-2,568 (0,242)
2 курс бакалавриата / специалитета	-0,585**** (0,000)	-0,557**** (0,000)	-0,221 (0,556)
3 курс бакалавриата / специалитета	-0,758**** (0,000)	-0,773**** (0,000)	-0,143 (0,729)
4 курс бакалавриата / специалитета	-1,481**** (0,000)	-1,416**** (0,000)	-0,945 (0,140)
5 курс специалитета	-1,692 (0,135)	-1,666 (0,140)	0 (,)
1 курс магистратуры	-1,460**** (0,000)	-1,408**** (0,000)	-1,803** (0,024)
2 курс магистратуры	-1,793**** (0,000)	-1,841**** (0,000)	-2,250* (0,058)
Коммерческая ОП	0,851 (0,106)	0,860 (0,120)	
2 нижних категории мат. Положения	0,212* (0,069)	0,258** (0,039)	
2.верхних категории мат. Положения	0,355*** (0,007)	0,441*** (0,002)	
Верхняя категория мат. положения			0,936*** (0,006)
Число избирателей	-0,0000114 (0,711)	-0,0000188 (0,568)	
Число избирателей * Комм. программа	-0,000379** (0,017)	-0,000325** (0,047)	
Логарифм числа избирателей			0,243 (0,279)
Логарифм числа избирателей * иногородний			0,281 (0,320)
Удельное число кандидатов на 1 место	-1,089**** (0,000)	-1,210**** (0,000)	-0,238 (0,761)
Удельное число кандидатов на 1 место * Мужской пол	0,969** (0,012)	0,959** (0,045)	
Процент однокурсников-кандидатов	0,376**** (0,000)	0,384**** (0,000)	0,390**** (0,000)
Процент однокурсников-кандидатов * Иногородний	-0,0891* (0,059)	-0,0963* (0,060)	
Бюджетное обучение	-0,0173 (0,820)	-0,0574 (0,482)	
Кумулятивный рейтинг	-0,00710**** (0,000)	-0,00314 (0,171)	0,00153 (0,762)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Кумулятивный рейтинг * Иногородний	0,00857*** (0,000)	0,00964*** (0,000)	
Кумулятивный рейтинг * Мужской пол	-0,00500** (0,043)	-0,00460* (0,090)	
Текущий рейтинг		-0,00636*** (0,000)	
Нерегулярная занятость в университете	0,582**** (0,000)	0,612**** (0,000)	
Планирование работы в образовании / науке			-1,801*** (0,001)
Статус кандидата	1,237*** (0,003)	1,436*** (0,002)	
Хорошо знает о совете факультета	0,631**** (0,000)	0,747**** (0,000)	1,604** (0,040)
Что-то слышал о совете факультета	0,254** (0,019)	0,313*** (0,007)	0,862 (0,284)
Оценка «1» совету факультета	0,591*** (0,007)	0,743*** (0,002)	
Оценка «2» совету факультета	0,435** (0,038)	0,346 (0,140)	
Оценка «3» совету факультета	0,459*** (0,001)	0,449*** (0,002)	
Оценка «4» совету факультета	0,222** (0,046)	0,171 (0,152)	
Оценка «5» совету факультета	0,420*** (0,000)	0,464**** (0,000)	
Хорошо знает об именных стипендиях			1,231** (0,012)
Что-то слышал об именных стипендиях			1,376*** (0,002)
Хорошо знает о «Научных боях»	0,203** (0,049)	0,205* (0,064)	
Что-то слышал о «Научных боях»	0,220*** (0,009)	0,242*** (0,008)	
Знание академического рук-ля ОП в лицо	0,139** (0,047)	0,0938 (0,213)	
Знание декана факультета в лицо			0,749** (0,013)
Участие в органах самоуправления	0,773*** (0,009)	0,754** (0,022)	3,975**** (0,000)
Участие в студенческих организациях	0,282*** (0,005)	0,279*** (0,009)	0,254 (0,461)
Участие в полит. партиях	0,0392 (0,891)	0,320 (0,323)	-1,401 (0,235)
Участие в благотв. / волонтерской орг.	-0,0401 (0,768)	-0,0598 (0,685)	-0,376 (0,477)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Планирование предпринимательства			-1,618*** (0,002)
Планирование работы в общ. организациях			-2,379*** (0,002)
Планирование работы в органах госвласти			-2,741*** (0,001)
Использование Facebook* ⁴			0,871*** (0,005)
Использование Twitter	0,271*** (0,001)	0,297*** (0,000)	
Подписка на Telegram-канал «Вышка для своих»	0,351*** (0,000)	0,295*** (0,003)	
Подписка на группы факультета / программы	0,183** (0,013)	0,168** (0,031)	
Получение информации из STUDLIFE	0,214*** (0,006)	0,236*** (0,004)	
Получение информации от неофициальных СМИ / групп	0,228*** (0,001)	0,238*** (0,002)	
Получение информации от студ. организаций			0,399 (0,180)
Получение информации от сотрудников — не УО			0,651** (0,022)
Планирование наемной работы в бизнесе			-2,132**** (0,000)
Планирование работы по фрилансу			-1,752*** (0,004)
Константа	0,347 (0,473)	0,562 (0,351)	-9,110*** (0,001)
N	5374	4675	5368
pseudo R ²	0,228	0,233	0,447

p-значения в скобках. Различные группы выделены соответствующей цветовой заливкой.

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$, **** $p < 0,0001$.

В отличие от моделей участия в голосовании, рассмотренных ранее, здесь теряют свою значимость иногородний статус студента и коммерческий статус программы (1 группа), почти полностью теряется эффект числа избирателей (2 группа), становится неустойчивым эффект кумулятивного рейтинга (4 группа). Но вместо этого возникают эффекты **несколько более** привилегированного (основные 67 % в противовес 22 % менее привилегированного и 11 % затруднившихся ответить) материального положения (1 группа), нерегулярной занятости в университете (4 группа), осведомленности о студенческом совете факультета и о научных мероприятиях, участия в студенческом самоуправлении и студенческих организациях

⁴ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

(5 гипотеза), использования Twitter и наличия диверсифицированного пакета источников информации об университете (6 группа).

В том, что касается расширенной модели участия в студенческом представительстве в качестве кандидата, тоже теряют свою значимость иногородний статус (1 группа), число избирателей (2 группа), кумулятивный рейтинг (4 группа). При этом возникают значимые факторы **в максимальной степени** привилегированного (12% в противовес 77% менее привилегированного и 11% затруднившихся ответить) материального положения (1 группа), осведомленности об именных стипендиях, о деятельности студенческого совета факультета, знания декана факультета в лицо и участия в органах студенческого самоуправления (5 группа), использования Facebook* и активного взаимодействия с научно-преподавательскими и не относящимися к обеспечивающим учебный процесс подразделениям административными кадрами университета (6 группа), а также ориентации на научно-образовательную или предпринимательскую карьеру — в противовес работе в органах власти или общественных организациях (сферы работы, задействованные в 4—5 группах).

Вместе с тем напомним, что опросная выборка респондентов несколько отличается от генеральной совокупности студентов, и проинтерпретировать результаты данных моделей необходимо с учетом этого фактора. Изменение связей, характерных для иногороднего статуса и академической успеваемости (положения в рейтинге) во многом продиктовано смещениями выборки в этих характеристиках, особенно в контексте успеваемости — как показывают данные, МСЖ проходят более успевающие студенты, и эффект их разницы с менее успевающими скрадывается (аналогичным образом и большая доля иногородних студентов смещает общие оценки роли этого фактора). Это видно из сравнения моделей (5)-(7) с моделями, аналогичными (1)-(4), но рассчитанными только для студентов, по которым известны опросные характеристики. Значимость факторов, связанных с успеваемостью и иногородним статусом, аналогичным образом изменяется и там.

В таблице 5 указаны диапазоны значений предельных эффектов различных проанализированных факторов, рассчитанные по усредненным параметрам выборок (то есть на сколько изменяется вероятность участия в выборах при изменении значения переменной от минимума до максимума — в случае, если эффект статистически значимый и стабильный). Таким образом, наиболее влиятельными относительно других, оказываются 3 и 5 группы факторов, но и все остальные обладают значительной объясняющей силой, особенно в моделях, касающихся вероятности участия в голосовании.

Таблица 5. **Диапазоны предельных эффектов стабильных статистически значимых связей**

Номер группы	Голосование	Статус кандидата
1	Пол — 4—6% , Курс — 10—30% , Материальное положение — 4—7% Иногородний статус — 2—4% Форма (очная/очно-заочная) — 13—14%	Пол — 1—2% , Курс — до 2% , Материальное положение — 1%

Номер группы	Голосование	Статус кандидата
2	Число избирателей — 3—4 % Конкурентность среди кандидатов — 8—15 %	Число избирателей — до 1 % Конкурентность среди кандидатов — до 1 %
3	Процент однокурсников-кандидатов — до 70 %	Процент однокурсников-кандидатов — до 40 %
4	Кумулятивный рейтинг — до 2—12 % Текущий рейтинг — до 10 % Занятость в университете — 10 %	
5	Статус кандидата — 20—40 % Информированность — до 11—28 % Социальная активность — до 18 %	Информированность — до 4 % Социальная активность — до 4 % Сферы работы — до 2—3 %
6	Источники информирования — до 20—23 %	Источники информирования — до 2 %

Сводные результаты разведочного анализа предполагаемых групп связей выглядят следующим образом:

1. Пол (мужской), возраст (более юный) и материальное положение (более богатое) определенно имеют важное значение. С большей осторожностью стоит смотреть на результаты, касающиеся иногороднего статуса и интеграции в сообщество — их неустойчивость обусловлена спецификой смещений используемой опросной выборки (доля иногородних студентов в ней больше, чем в генеральной совокупности).
2. Цена индивидуального голоса студента как функция от общего количества голосов имеет лишь ограниченное значение (в основном для студентов, обучающихся платно), а эффект «конкурентности» выборов имеет отрицательное выражение в отношении участия в голосовании (вместо роста интереса и участия — его падение). Очень интересен условный эффект пола: у мужчин заметно меньше выражен обратный эффект «конкурентности» выборов. При этом «конкурентность», в отличие от эффекта участия в самом голосовании, значительно и положительно взаимосвязана с вероятностью подачи заявки на выборы: в отличие от избирателей, она привлекает дополнительных соперников.
3. Роль «положительной обратной связи» в участии студентов определенного сообщества в студенческом представительстве очень сильна (чем больше кандидатов с определенного курса и программы, тем больше вероятность участия в выборах). Интересно, что в несколько меньшей степени она характерна для иногородних студентов.
4. Долговременная академическая успешность значимо связана с вероятностью участия в голосовании по выборам органов студенческого представительства и менее устойчиво — с заявками на участие в их работе. Этот эффект усиливается для мужчин и серьезно ослабляется для иногородних студентов. Также, кроме долговременной, для участия в голосовании очень важна и академическая успешность в текущем периоде. Интересно, что планирование работы в академии (часто коррелирующее с академической успешностью) по сравнению с отсутствием четких планов на работу

в целом является скорее отрицательным фактором участия, но в сравнении с другими сферами работы — скорее положительным. Следует отметить ограничение: эффект долговременной успеваемости теряет устойчивость при переходе от административных к опросным данным (не в последнюю очередь из-за специфики смещения выборки), и к нему необходимо относиться с осторожностью.

5. Внутриуниверситетская социальная активность и информированность действительно сильно взаимосвязаны с участием в студенческом представительстве. А вот с внешней активностью (политические партии, общественные организации) такого эффекта не наблюдается, как и с дальнейшими планами по работе — более того, ориентированные на работу в политике и общественных организациях люди куда меньше склонны к участию в студенческом представительстве, чем другие.
6. Использование определенных социальных сетей (Facebook*, Twitter), различных каналов информации о сообществе взаимосвязано с большей вероятностью участия. При этом наблюдается интересный эффект: роль и кандидата, и будущего участника органов представительства довольно сильно связана с регулярным получением важной информации, в том числе, от научно-педагогических сотрудников университета.

Заключение

Проведенный разведывательный анализ позволил выявить группы характеристик, которые чаще всего оказываются взаимосвязаны с участием в студенческом представительстве. Видны определенные отличия в обобщенном облике участвующих пассивно (голосованием) и активно (в качестве кандидата). Разумеется, немало и общих черт — более молодые (бакалавриат) возрастные характеристики, более высокое материальное положение, большая академическая успешность, большая социальная активность, сетевой эффект большего числа активно участвующих однокурсников-кандидатов. Но в сообществе голосующих при этом все-таки преобладают девушки (пусть и в меньшей степени, чем среди студентов в целом), также это сообщество несколько более, чем в среднем, иногороднее, более диверсифицировано по материальному положению. С несколько большей вероятностью это студенты, обучающиеся на платных местах и платных программах, активнее участвующие, когда их в целом не очень много и ценность каждого голоса более важна, скорее отталкиваемые активной конкуренцией разных кандидатов, но при этом диверсифицирующие свое информационное потребление официальными и неофициальными интернет-источниками и черпающие информацию из Twitter. Сообщество кандидатов, в противовес этому, явно скорее мужское (в противовес студенческому сообществу в целом, мужчин там больше, чем женщин), московское, чаще наиболее материально обеспеченное, занимающее бюджетные места, привлекаемое конкуренцией и большими масштабами работы со студентами, активно взаимодействующее с более старшими коллегами по университету и использующее Facebook*. Здесь наиболее интересно то, что две ключевые характеристики — академическая успешность и социальная активность — очень сильно перекликаются с известными моделями академической

и социальной интеграции в университете [Tinto 1975]. Если критически низкие уровни соответствующей интеграции индивида подводят его к черте «академического самоубийства», то стабильно высокие способствуют активному участию в представительстве интересов участников сообщества.

Вдвойне интересны некоторые условные (модерационные) эффекты. Так, эффект характеристик, относящихся к построенной на модели рационального выбора второй группе факторов (индивидуальная ценность голоса), очень сильно различается для женщин и мужчин (для последних эти связи выражены значительно слабее), частично для «бюджетников» и «платников» (для полностью платных программ эффект усиливается, а для студентов-бюджетников — ослабляется). Сетевой эффект большего числа кандидатов среди однокурсников сильнее выражен у московских студентов. Эффект долговременной успеваемости, в свою очередь, тоже сильно зависит от пола (где он усиливается) и от места проживания (где он у иногородних сходит на нет). Примечательно, что в отличие от безоговорочного доминирования в основанных на агрегированных данных предыдущих исследованиях [Lewis, Rice, 2005; Kouba, 2018] модели рационального выбора, здесь, на индивидуальном уровне, мы наблюдаем разные типы поведения в отношении студенческого участия для разных контингентов студентов. Возможно, оплачивающие свое обучение самостоятельно «платники» иначе смотрят на это с точки зрения осмысления своего места в университете, то есть чаще разделяют рационально-«потребительскую», близкую к консьюмеризму модель [Marginson, 2006; Budd, 2017]. Напротив, участие в выборах «бюджетников» не зависит от того, какую пользу им может принести это участие, они участвуют скорее в целом, исходя из принадлежности к сообществу и в большей степени следуют коммунитаристской логике. Академическая интеграция также работает по-разному для разных групп: положительный эффект академической успешности на вовлеченность есть и у мужчин, и у женщин, но у мужчин, по оценкам исследований, имеющих более неравномерное распределение интеллектуальных навыков [Shields 1982], он выражен куда ярче.

Зафиксировано отсутствие связи между вовлечением во внешнюю общественно-политическую активность и участием в студенческом представительстве. При этом внутриуниверситетская социальная активность оказывается крайне важной и значимой. В рамках упомянутой ранее дихотомии «первого» и «третьего» миров Россия ближе к «первому»: без эффектов прямой связи органов студенческого представительства с политическими партиями и иными акторами, как это реализуется во многих развивающихся странах [Luescher-Mamashela, Mugume, 2014; Parreira et al., 2019]. С другой стороны, это может объясняться и характером развития партийной системы [Макаренко и др., 2015], недостаточной силой политических партий как института.

Студенческое представительство — слепок сообщества, интересы членов которого оно агрегирует. В этой перспективе следует рассматривать и объяснение основных выявленных закономерностей. Разное поведение юношей и девушек, «платных» и «бюджетных» студентов, москвичей и иногородних отражает в конечном счете имеющиеся у молодежи и в обществе в целом элементы стратификации и неравенства [Куракин, 2020]. Если это неравенство — внешнее (по отношению

к университету), то эффекты академической успешности и возраста — скорее внутренняя категория и уже характерны именно для студенческого представительства. Роль сетевых информационных площадок, политических партий и организаций также следует общественным трендам — в плане обустройства существующей сейчас в России (в случае политических партий) и в целом в мире (в случае социальных медиа [Dimitrova et al., 2014]) структуры социальных связей.

По результатам исследования можно выделить несколько рекомендаций для университетов. В первую очередь важен учет объективно возникающего неравенства: прежде всего, возрастного, а также концентрации активистов в отдельных «очагах». В студенческом представительстве будут участвовать скорее академически успешные и социально активные бакалавры, сильно связанные с отдельными «очагами» активных студентов на конкретных образовательных программах. Университетам, чтобы не упустить содержательный и полезный эффект от участия студентов в каждом из этих «очагов», важно обеспечить студенческое представительство на всех уровнях, в том числе локальном/программном (успешный опыт в этом направлении описан, например, в работе [Meeuwissen et al., 2019]). Академическая успешность и социальная активность этих студентов при этом развеивает мифы о противопоставлении «ученых» и «общественников» в студенческой среде, укоренившиеся со времен СССР [Chirikov, Gruzdev, 2014; Ефимов, 2020]. Для магистрантов ситуация более сложная — университету приглашать их к решению любых вопросов объективно проблематично, учитывая их общий уровень незаинтересованности в этих процессах (из-за нацеленности на карьеру и более «потребительского» отношения к университету, меньшего участия в жизни сообщества и т. д.). В целом для получения от них (и иных групп, испытывающих схожие проблемы) информации об университетских процессах стоит развивать альтернативные и более совершенные механизмы обратной связи. Органы студенческого представительства в целом предполагают участие студентов в жизни университета в коммунитаристской или партнерской логике (как часть сообщества), а развитая система студенческой оценки преподавания и внутренних университетских опросов — то же участие, но скорее ближе к логике консьюмеризма (как потребителей) [Luescher-Mamashela, 2013; Ефимов, 2020]. Две логики не исключают друг друга, а скорее дополняют: при возникновении проблем с реализацией инструментов одной из них инструменты второй могут замещать ее функции.

Есть и варианты целенаправленных университетских интервенций для уменьшения неравенства в системе студенческого представительства. В первую очередь речь идет о гендерной повестке. Хотя обычно в контексте половой дискриминации в высшем образовании говорят о барьерах входа и успешного завершения обучения [Jacobs, 1996; Buchmann et al., 2008], а здесь речь идет о барьерах на пути полноценной внутренней интеграции в сообщество, последовательные и целенаправленные программы стимулирования участия женщин, «gender mix policies», являются ключевым способом преодоления неравенства [Peterson, 2011]. Другая важная характеристика неравенства в системе высшего образования — зависимость от материальных обстоятельств и положения [Dickert-Conlin, Rubenstien, 2007; Jerrim et al., 2015; Witteveen, Attewell, 2020] — в случае студенческого представительства также ярко проявляется. Важно сглаживать материальное

неравенство различными стимулированиями, чтобы избежать его увеличения и внутренних расколов.

Наконец, остается вопрос с иногородними и московскими студентами. Варианты объяснений разницы в их вовлеченности могут быть самыми разными: помимо меньшей социальной интеграции иногородних, это могут быть их нацеленность на карьеру, необходимую им для закрепления в новом городе, в ущерб внеучебной деятельности, и т. д. Вероятно, это может частично объясняться и заинтересованностью этих студентов в вопросах управления общежитиями (то есть представительства немного в ином формате, отбирающего потенциальное время у представительства на уровне факультета).

Разумеется, ключевое поле, где университет может сформировать свое ответственное студенческое представительство, — информационное. Становится чрезвычайно важной работа в социальных сетях (особенно Twitter, Telegram, «ВКонтакте»), выстраивание сети коммуникаций между официальными и неофициальными источниками информации о студентах и от студентов, создание и функционирование информационных площадок не только университетского уровня, но и уровня его отдельных подразделений и программ. А сеть будущих участников студенческого представительства во многом формируется исходя из взаимодействия с сетью научно-преподавательского сообщества университета (в том числе на Facebook^{*}). Все это не только подтверждает ключевые выводы соответствующих исследований [Chininga et al., 2019], но и дает новую почву для размышлений: какими механизмами можно в российском случае объяснить эффект именно зарубежных социальных сетей, а не отечественных? Может ли это тоже быть связано с характеристиками большей академической и социальной интеграции в научное сообщество в более широком смысле? Кстати, активное взаимодействие участников студенческого представительства на Facebook^{*} примечательно еще и тем, что, судя по всему, научно-преподавательская карьера у студентов, участвующих в студенческом представительстве, довольно популярна. Университет, пусть и идя на «академический инбридинг» [Сивак, Юдкевич, 2009], получает путем выстраивания плотного взаимодействия по этой линии не только деятельное представительство студентов сейчас, но и заинтересованных сотрудников потом. Это может быть очень важно в долгосрочной перспективе выстраивания внутренней корпоративной культуры.

Кроме вписывания России в широкий международный контекст исследований студенческого представительства и формулирования рекомендаций для университетской образовательной политики, данная статья подвергает ревизии некоторые устоявшиеся в этой сфере представления и, кроме того, ставит новые вопросы. В частности, интересно, каким образом следование моделям рационального выбора или противоположным им в ситуации с участием в голосовании различается по полу и по тому фактору, платит ли человек за свое обучение. Другой пример — академическая успешность: у иногородних и у москвичей она, как оказалось, была связана со склонностью к участию в представительстве своих интересов очень по-разному. Эти и иные вопросы, а также общая незаинтересованность магистрантов — потенциальные сюжеты для будущих исследований. Еще один важный сюжет — это, конечно же, переход к следующему шагу: не кто хочет участвовать

в качестве кандидата, а кто в итоге участвует в качестве уже избранного участника органов студенческого представительства в управлении университетом, кого и почему студенты поддерживают и наделяют этой миссией. И, наконец, третья группа сюжетов для будущих исследований связана с ответом на вопрос о том, как и через какие механизмы потом эти люди участвуют в университетском управлении (и есть ли в практиках этого участия различия в связи с разными факторами склонности к участию, успешного взаимодействия со студентами-избирателями и т. д.). Для российского опыта это будут одни из первых шагов в сфере изучения студенческого представительства, но и они будут очень важными.

Список литературы (References)

Гаврилова И. С., Куликов С. П., Новиков С. В. Особенности формирования студенческого самоуправления в вузах России // Московский экономический журнал. 2019. № 12. С. 748—758.

Gavrilova I. S., Kulikov S. P., Novikov S. V. (2019) Peculiarities of Formation of Student Self-Governance in the Universities of Russia. *Moscow Economic Journal*. No. 12. P. 748—758. (In Russ.)

Ефимов Д. Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3. С. 105—121.

Efimov D. B. (2020) Research of Student Representation Bodies in Universities: Current State, Problems and Prospects. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 3. P. 105—121. (In Russ.)

Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167—231.

Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 167—231. (In Russ.)

Макаренко Б. И., Локшин И. М., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Петров Н. В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.

Makarenko B., Lokshin I., Meleshkina E., Mironyuk M., Petrov N. (2015) Parties and Party Systems: Contemporary Development Trends. *Moscow: Russian Political Science Encyclopedia*. (In Russ.)

Пономарев А. В. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 106—110.

Ponomarev A. V. (2008) Training Potential of Student Self-Government. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 106—110. (In Russ.)

Попов В. Р. Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историко-социологического анализа // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 211—223.

Popov V. R. (2009) Student Self-Governance: An Attempt at a Comparative Socio-Historical Analysis. *Education Studies Moscow*. No. 2. P. 211—223. (In Russ.)

Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019.
Rosovsky H. (2019) The University: An Owner's Manual. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Сивак Е. В., Юдкевич М. М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170—187. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>.

Sivak, E., Yudkevich M. (2009) Academic Inbreeding: Pro and Contra. *Education Studies Moscow*. No. 1. P. 170—187. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>. (In Russ.)

Стегний В. Н. Студенческое самоуправление глазами студентов // Власть. 2016. № 4. С. 169—175.

Stegnii V. N. (2016) Students' View on the Student Self-Government. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 24. No. 4. P. 169—175. (In Russ.)

Фатов И. С., Куликов С. П., Саруханян М. Г. Некоторые социолого-политологические аспекты всероссийской переписи советов обучающихся // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 71—74.

Fatov I. S., Kulikov S. P., Sarukhanyan M. G. (2018) Some Socio-Political Science Aspects of the All-Russian Census of Student Councils. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. No. 5. P. 71—74. (In Russ.)

Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 9. P. 1204—1218. <https://www.doi.org/10.1080/13676261.2015.1039971>.

Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions Within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*. Vol. 30. No. 2. P. 165—181. <https://www.doi.org/10.1080/02680939.2014.924562>.

Buchmann C., DiPrete T. A., McDaniel A. (2008) Gender Inequalities in Education. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. P. 319—337. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134719>.

Budd R. (2017) Undergraduate Orientations Towards Higher Education in Germany and England: Problematising the Notion of 'Student as Customer'. *Higher Education*. Vol. 73. No. 1. P. 23—37.

Chinga T., Rungani E., Chiliya N., Chuchu T. (2019) Facebook Communication and Marketing Influence on Decision-Making and Choice of University Student Representatives: A Student's Perspective. *Romanian Journal of Communication & Public Relations*. Vol. 21. No. 2. P. 7—21. <https://www.doi.org/10.21018/rjcp.2019.2.274>.

Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 455—469. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896181>.

Dickert-Conlin S., Rubenstien R. (Eds.). (2007) Economic inequality and higher education: Access, persistence, and success. *Russell Sage Foundation*.

Dimitrova D. V., Shehata A., Strömbäck J., Nord L. W. (2014) The Effects of Digital Media on Political Knowledge and Participation in Election Campaigns: Evidence from Panel Data. *Communication Research*. Vol. 41. No. 1. P. 95—118.

Fendrich J. M., Lovoy K. L. (1988) Back to the Future: Adult Political Behavior of Former Student Activists. *American Sociological Review*. Vol. 53. No. 5. P. 780—784. <https://www.doi.org/10.2307/2095823>.

Harik J., Meho L. (1996) The War Generation and Student Elections at the American University of Beirut. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 18. No. 2. P. 67—90.

Homana, G. A. (2018) Youth Political Engagement in Australia and the United States: Student Councils and Volunteer Organizations as Communities of Practice. *JSSE-Journal of Social Science Education*. Vol. 17. No. 1. P. 41—54.

Jacobs J. A. (1996) Gender Inequality and Higher Education. *Annual Review of Sociology*. Vol. 22. No. 1. P. 153—185. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.22.1.153>.

Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. (2015) Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 42. P. 20—32. <https://www.doi.org/10.1016/j.rssm.2015.06.003>.

Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 396—411. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896177>.

Klemenčič M. (2020) Student Governments. *Journal: Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. https://www.doi.org/10.1007/978-94-017-9553-1_614-1.

Kouba K. (2018) Determinants of Student Participation in Higher Education Governance: The Case of Student Turnout in Academic Senate Elections in Czechia. *Higher Education*. Vol. 76. No. 1. P. 67—84. <https://www.doi.org/10.1007/s10734-017-0194-1>.

Lewis K. M., Rice T. W. (2005) Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 38. No. 4. P. 723—729. <https://www.doi.org/10.1017/s104909650505020>.

Luescher-Mamashela T. M. (2013) Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*. Vol. 38. No. 10. P. 1442—1456. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2011.625496>.

Luescher-Mamashela T. M., Mugume T. (2014) Student Representation and Multiparty Politics in African Higher Education. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 500—515. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896183>.

Marginson S. (2006) Investment in the Self: The Government of Student Financing in Australia. *Studies in Higher Education*. Vol. 22. No. 2. P. 119—131. <https://doi.org/10.1080/03075079712331380994>.

Meeuwissen S. N., Spruijt A., van Veen J. W., de Goeij A. F. (2019) Student Participation in Governance of Medical and Veterinary Education: Experiences and Perspectives of

Student Representatives and Program Directors. *Advances in Health Sciences Education*. Vol. 24. No. 4. P. 665—690. <https://doi.org/10.1007/s10459-019-09890-9>.

Mishra R. (2016) Digital Democracy and Student Politics: Interpretation from Assam University Student's Council Elections. *The Researcher-International Journal of Management Humanities and Social Sciences*. Vol. 1. No. 1. P. 45—56.

Omar M. F., Othman M. H. (2015) Factors Influencing Students Voting Behaviour: Pre and Post IIUM Students' Representatives Council's Election 2014. *Journal of International Science, Commerce and Humanities*. Vol. 3. No. 1. P. 121—138.

Omar M., Othman M. H. (2014) Voting Behaviour and Political Culture among Students. *International Journal of Education and Social Science*. Vol.1. No. 4. P. 31—40.

Parreira C., Tavana D. L., Harb C. (2019) University Elections and Political Socialization in the Developing World. SocArXiv. <https://doi.org/10.31235/osf.io/jtvp2>.

Peterson H. (2011) The Gender Mix Policy — Addressing Gender Inequality in Higher Education Management. *Journal of Higher Education Policy and Management*. Vol. 33. No. 6. P. 619—628. <https://doi.org/10.1080/1360080x.2011.621188>.

Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: the Perspectives of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*. Vol. 79. No. 1. P. 141—157. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00400-9>.

Rowlands J. (2017) *Academic Governance in the Contemporary University*. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2688-1>.

Saha L. J., Print M. (2010) Student School Elections and Political Engagement: A Cradle of Democracy? *International Journal of Educational Research*. Vol. 49. No. 1. P. 22—32. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2010.05.004>.

Shields S. A. (1982) The Variability Hypothesis: The History of a Biological Model of Sex Differences in Intelligence. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 7. No. 4. P. 769—797.

Tilton S. (2008) Virtual Polling Data: A Social Network Analysis on a Student Government Election. *Webology*. Vol. 5. No. 4. P. 1—8.

Tinto V. (1975) Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research. *Review of Educational Research*. Vol. 45. No. 1. P. 89—125. <https://doi.org/10.3102/00346543045001089>.

Witteveen D., Attewell P. (2020) Reconsidering the 'Meritocratic Power of a College Degree'. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 66. 100479. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2020.100479>.

Приложение 1. Список используемых переменных

Группа	Индикаторы и источники
Зависимые переменные	Статус участия в голосовании (данные о выборах) Статус подачи заявки как кандидата на выборы (данные о выборах)
1	V1: Пол (АСАВ) V2: Курс обучения (АСАВ) V3-V5: Статусы иногороднего студента, проживающего в общежитии, очно-заочной формы обучения, обучения на полностью коммерческой программе без бюджетных мест (АСАВ) V6-V9: Материальное положение — статусы принадлежности к самой богатой категории, к двум самым богатым категориям, к двум самым бедным категориям (МСЖ)
2	V10-V11: Общее число студентов факультета (избирателей), в том числе логарифмированное (АСАВ) V12: Удельное число кандидатов на выборах на одно место в студенческом совете факультета, по которому голосует студент (данные о выборах)
3	V13: Процент однокурсников данного студента, являющихся кандидатами на выборах (данные о выборах, АСАВ)
4	V14: Статус обучения на бюджетном месте (АСАВ) V15: Актуальный для 1 семестра 2019—2020 учебного года кумулятивный рейтинг студента (LMS) V16: Текущий рейтинг студента за 1 семестр 2019—2020 учебного года (LMS) V17: Участие в нерегулярной академической работе в университете — учебный ассистент, исследовательские проекты и т. д. (МСЖ) VR1: Планирование академической карьеры (МСЖ)
5	V18: Статус подачи заявки как кандидата на выборы (данные о выборах) V19-V25: Степень знания о деятельности студенческого совета факультета (хорошее знание, среднее знание) и оценка его работы (оценки от 1 до 5) (МСЖ) V26-V29: Степень знания (хорошее знание, среднее знание) о предоставляемых университетом и его подразделениями специальных именных стипендиях, о ключевом общеуниверситетском студенческом научном мероприятии «Научные бои» (МСЖ) V30-V31: Знание академического руководителя своей образовательной программы, декана факультета в лицо (МСЖ) V32-V35: Участие в работе различных органов студенческого самоуправления, студенческих организаций, политических партий, волонтерских / благотворительных организаций (МСЖ) VR2-VR4: Планирование карьеры в предпринимательстве, общественных организациях, государственных органах власти ⁵ (МСЖ)
6	V36-V37: Использование социальных сетей Facebook*, Twitter (МСЖ) V38-V39: Подписка на Telegram-канал «Вышка для своих» — официальное корпоративное медиа университета в Telegram; на страницы факультетов и подразделений в социальных сетях (МСЖ) V40-V43: Получение информации из сообщества «STUDLIFE» ВКонтакте — одного из корпоративных медиа, созданных университетом для студентов; из неофициальных / незарегистрированных университетских СМИ и сообществ; со страниц официальных студенческих организаций; от преподавателей и иных сотрудников, не занимающихся административной организацией учебного процесса (МСЖ)

⁵ В модели также включены другие категории предпочитаемой работы (VR5-VR6)

Формулировка вопроса для **V17**: Есть ли у Вас оплачиваемая работа? — Да, нерегулярные приработки в Вышке (прочие ответы с множественным выбором в том же вопросе: «Да, работа на полный день в Вышке», «Да, работа на полный день вне Вышки», «Да, работа на неполный день в Вышке», «Да, работа на неполный день вне Вышки», «Да, нерегулярные приработки в Вышке», «Да, нерегулярные приработки вне Вышки», «Нет»).

Формулировка вопроса для **VR1-VR6**: В какой из перечисленных областей Вы скорее всего хотели бы работать после окончания университета?

Формулировка вопроса для **V19-V20**: Знаете ли Вы о существовании следующих институтов самоуправления, функционирующих в НИУ ВШЭ (Студенческий совет факультета)?

Формулировка вопроса для **V21-V25**: Оцените, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены работой следующих институтов самоуправления (Студенческий совет факультета).

Формулировки вопросов для **V26-V29**: Знаете ли Вы о следующих формах материальной поддержки студентов в НИУ ВШЭ (Именные стипендии НИУ ВШЭ и подразделений по предметным областям)? Знаете ли Вы о том, что ежегодно в Вышке проходят «Научные бои»?

Формулировка вопроса для **V30-V31**: Знаете ли Вы следующих сотрудников НИУ ВШЭ — Да, знаю в лицо (Декан Вашего факультета, Академический руководитель Вашей программы)

Формулировка вопроса для **V32-V35**: Являетесь ли Вы участником следующих организаций (системы студенческого самоуправления НИУ ВШЭ, студенческой организации в НИУ ВШЭ, политической партии / общественно-политического движения, волонтерской, благотворительной организации)?

Формулировка вопроса для **V36-V37**: Какими социальными сетями Вы пользовались за последние три месяца? — Facebook*, Twitter

Формулировка вопроса для **V38-V39**: Подписаны ли Вы на Вышку в социальных сетях? — Telegram-канал Вышка для своих; Официальные паблики, группы моего факультета/образовательной программы

Формулировка вопроса для **V40-V43**: Пожалуйста, укажите, откуда Вы узнаете информацию о новостях и событиях в Вышке (Сообщество STUDLIFE ВКонтакте, Неофициальные вышкинские СМИ и сообщества в социальных сетях, Страницы студенческих организаций в социальных сетях, Информация от преподавателей и административных сотрудников не из учебного офиса).

Приложение 2. Описательные статистики (доля/среднее) используемых переменных

Для каждого фактора представлено сравнение характеристик в одном из следующих вариантов: либо (1) по общей совокупности имеющихся данных по обладавшим возможностью проголосовать студентам ($N \leq 30085$), данных по проголосовавшим ($N \leq 6232$) и данных по выдвинувшим свою кандидатуру ($v268$), либо (2) по опросной выборке студентов ($N \leq 5570$), опросной выборке проголосовавших ($N \leq 1974$) и опросной выборке кандидатов ($N \leq 80$).

Первая группа связей

Характеристика	Вариант	Генеральная совокупность (АСАВ/LMS) / Опросная выборка (МСЖ)	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Мужской пол		39%	44%	61%	30085	6232	268
Курс обучения	1 курс бак.	26%	44%	33%			
	2 курс бак.	20%	26%	34%			
	3 курс бак.	16%	18%	23%			
	4 курс бак.	14%	6%	7%			
	5 курс спец.	0%	0%	0%			
	6 курс спец.	0%	0%	0%			
	1 курс маг.	14%	4%	2%			
	2 курс маг.	11%	2%	1%			
	3 курс маг.	0%	0%	0%			
Иногородный		30%	37%	35%			
Очно-заочная форма		2%	0%	0%			
Коммерческая программа		9%	4%	3%			
Материальное положение	Живем крайне экономно...	7%	6%	1%	5570	1974	80
	На еду и одежду хватает, но...	15%	17%	15%			
	В целом обеспечены, но...	55%	56%	51%			
	Хорошо обеспечены...	12%	12%	24%			
	Затрудняюсь ответить	11%	9%	9%			

Вторая и третья группы связей

Характеристика	Min	Max	Генеральная совокупность	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Общее число студентов - избирателей	43.0	5339.0	3290.0	3062.7	2622.5	30085	6232	268
Логарифм предыдущего	3.8	8.6	8.0	7.9	7.5			
Удельное число кандидатов на одно место	1.6	2.5	1.8	1.8	1.9			
Процент однокурсников-кандидатов	0.0	16.3	0.9	1.8	3.7			

Четвертая группа связей

Характеристика	Генеральная совокупность (АСАВ/LMS) / Опросная выборка (МСЖ)	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Бюджетное место	47%	47%	44%	30085	6232	268
Средний кумулятивный рейтинг	49%	44%	45%	29099	6143	268
Средний текущий рейтинг	48%	43%	45%	24537	5511	228
Нерегулярная работа в вузе	5%	7%	9%	5570	1974	80

Пятая группа связей

Характеристика	Вариант	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Знание о студенческом совете факультета	Знаю довольно хорошо	34%	50%	80%	5570	1974	80
	Что-то слышал(а)	45%	39%	18%			
	Не знаю	21%	10%	3%			
Оценка работы студенческого совета факультета	1	2%	3%	9%	5570	1974	80
	2	2%	3%	5%			
	3	6%	8%	9%			
	4	11%	14%	21%			
	5	13%	20%	30%			
Знание об именных стипендиях	Затрудняюсь ответить	44%	40%	24%	5561	1972	79
	Не знаю о нём (см. выше)	21%	10%	3%			
	Да, знаю в деталях	16%	20%	28%			
Знание о "Научных боях"	Что-то слышал(а), но подробностей не знаю	51%	50%	59%	5570	1974	80
	Нет, не знаю	33%	29%	13%			
	Да, знаю довольно хорошо	22%	30%	41%			
Знание академического руководителя программы в лицо	Что-то слышал(а), но подробностей не знаю	42%	45%	45%	5561	1972	79
	Нет, не знаю	36%	25%	14%			
Знание декана факультета в лицо	Знаю довольно хорошо	61%	63%	75%	5570	1974	80
	Знаю декана факультета в лицо	37%	43%	65%			
Участие в системе органов самоуправления	Участие в студенческой организации университета	2%	4%	43%	5570	1974	80
	Участие в студенческой организации университета	12%	17%	26%			
	Участие в политической партии	2%	2%	1%			
	Участие в волонтерской / благотворительной организации	7%	8%	8%			

Шестая группа связей

Характеристика	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Использование Facebook	36%	29%	42%	5509	1958	78
Использование Twitter	24%	28%	40%			
Подписка на "Вышку для своих" (Telegram)	15%	21%	31%			
Подписка на группы факультета / программы	53%	64%	69%	5523	1960	78
Информация из сообщества STUOLIFE (VK)	27%	38%	40%			
Информация из неофициальных СМИ и сообществ	44%	55%	68%			
Информация со страниц студенческих орг.	32%	42%	56%			
Информация от сотрудников - не учебного офиса	28%	29%	45%	5521	1960	78

Предпочитаемая сфера работы (четвертая-пятая группы связей)

Характеристика	Вариант	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Планируемая сфера работы	В бизнесе в качестве наемного работника	30%	29%	18%	5570	1974	80
	В бизнесе в качестве предпринимателя	22%	22%	24%			
	Образование / наука	18%	18%	28%			
	В общественных и политических организациях	5%	6%	6%			
	В органах государственного управления	5%	6%	6%			
	Фриланс	15%	14%	8%			
	Другое (в т.ч. неопределенность)	5%	5%	11%			